

Ф. БРОУДИ

чай, кофе
и убийства

Ф. БРОУДИ

УБИТЬ
ДО ЗАКАТА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б88

Серия «Чай, кофе и убийства»

Frances Brody

MURDER IN THE AFTERNOON

Перевод с английского *Е. В. Дод*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. А. Воронина

Печатается с разрешения литературных агентств
David Luxton Associates Ltd. и The Van Lear Agency LLC.

Броуди, Фрэнсис.

Б88 Убить до заката : [роман] / Фрэнсис Броуди ; [пер. с англ. Е. В. Дод]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-097554-9

Гарриет и Остин, принеся отцу обед на работу, обнаружили его мертвым — и в страхе убежали. Однако когда подоспела помощь взрослых, тело исчезло... Что же на самом деле произошло?

Поначалу полиция не верит детям и считает, что их отец Этан просто сбежал, бросив семью. Однако жена Этана не согласна с этой версией и решает обратиться за помощью к частному детективу Кейт Шеклтон.

Кейт принимается за расследование — и, распутывая дело, узнает, к своему удивлению, немало опасных тайн из истории собственной семьи...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-097554-9 © Frances McNeil, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Из исследований Кейт Шеклтон

*Моей юной помощнице
Эми Софи Макнейл*

СУББОТА
12 мая 1923 года
Грейт-Эплвик

Соломон Гранди
В понедельник родился,
Во вторник крестился,
В среду женился,
В четверг простудился,
В пятницу — хуже стало,
В субботу долго жить приказал он,
В воскресенье — его закопали,
Вот и конец Соломона Гранди.

Старинный стишок

Пролог

Гарриет держала в худых ручонках накрытую тканью миску, чувствуя ее тепло. Девочка шагала вместе с братишкой Остином по плотно утопанной тропинке, идущей от длинной полосы их огорода на Нижнем конце.

Мамы дома не было. Она побежала на Таун-стрит за дешевыми сигаретами, о которых Гарриет нечаянно забыла, когда ходила с Остином за субботними покупками. Маме хотелось бы перебраться в новый дом. Ей до смерти надоело жить на задах, за чертой деревни.

Тропинка тянулась через луг, пестревший первоцветами, лютиками и маргаритками. Вдали на церкви пробило пять часов.

Остин дунул на созревший одуванчик.

— Часы не работают. Этот одуванчик говорит, что сейчас три часа.

Никогда не лезшая в карман за словом Гарриет вздохнула в ответ на эти детские заявления.

Убить
до заката

— У одуванчиковых часов по субботам выходной. Они состоят в профсоюзе одуванчиковых часов.

Брат всегда ей верил, каждому ее слову.

— Почему папа все еще на работе?

— Ему нужно закончить особый заказ.

— Солнечные часы?

— Да.

Когда они добрались до ступенек перехода через изгородь, Гарриет отдала брату миску — подержать, пока сама она поднимется на верхнюю ступеньку, потом забрала посудину и спустилась с другой стороны. Часть овец Конроя паслась здесь вместе с молоденькими ягнятами. Одна овечка по кличке Мэри дала бы себя погладить, потому что выросла ручной, но сегодня Мэри не обратила на них никакого внимания, занятая своим ягненком. В школьном сочинении Гарриет написала: «Мое любимое время года — осень». Но, возможно, надо было написать — весна, или лето, или даже зима.

На полпути через поле темное облако заслонило солнце, погрузив мир во мрак. В кусте боярышника поднял суету дрозд, жалуясь на пыль, от которой белели листья.

Сюда уже доносился запах карьера — камень и пыль. Никого из рабочих там не будет, только папа. В это время в субботу никаких тебе оглушительных взрывов. Не будет пыхтеть дробильная машина, готовая проглотить детей и перемолоть их кости. Остин еле переставлял ноги.

— А так ты можешь? — Гарриет защелкала языком, изображая конский топот.

Мальчик попытался.

В молчании, подгоняемые восточным ветром, они спустились вниз, ко входу в карьер. Он рос на глазах, как вывернутое наизнанку чудовище, становясь все больше и больше — голодные челюсти готовы схватить тебя и превратить в камень. «Не входить!» — предупреждала табличка.

Дорожка шла то вниз, то вверх — тут лужи, там камни. На дальнем крутом склоне безнадежно цеплялось за

край взорванной скалы деревце. Рядом с ним возвышалась новая гора из упавших камней.

Дети пошли по неровной дорожке мимо хибары бригадира и большой вагонетки, которая перекрывала вид, если подойти к ней слишком близко. За вагонеткой начиналась пустота, темные очертания лачужек и дальних склонов.

Упала первая капля дождя.

Под прикрытием вагонетки Гарриет сунула пальцы в рот и свистнула, один раз длинно, один — коротко, условным сигналом. Если папа ее услышит, им не нужно будет проходить мимо пустых навесов, где играли в прятки гоблины.

На ее свист отозвалось только эхо.

— Мне это не нравится. — Остин сжал руку сестры маленькой горячей ладошкой. — Посвисти еще раз.

Девочка свистнула.

В будний день или в субботу утром тут были бы горластые рабочие, они бы крикнули Этану, что его ребяташки здесь.

Никакого ответа. Когда папа работал, он отгораживался от окружающего мира. Не слышал ничего и никого. Так говорила мама.

— Свисти громче, — заныл Остин.

— Не пугайся. Гоблинов здесь нет.

— Где же они?

— По субботам они уходят в Йидон. Идем.

По наклонному, неровному спуску пришлось почти бежать, глядя под ноги, не обращая внимания на навес, под которым стояла дробилка, на возвышающийся кран, на шлифовальный и распилочный сарай. Нигде тень человека так не удлиняется, как в карьере. Толкнув Остина, чтобы тот не ступил в лужу, Гарриет сама угодила в другую. Ну вот! Теперь башмаки промокнули насквозь.

Рядом с папиной хибаркой каменотеса сияли великолепием солнечные часы из синего сланца. Остин по-

трогал их. Провел ладошкой по линиям на циферблате, словно камень мог через кожу поведать ему свою историю.

Гарриет поставила миску с едой на часы.

— Обожди здесь.

Впоследствии она не могла сказать, почему вошла в хибарку. Сначала она увидела отцовские ботинки, их носки смотрели в волнистую железную крышу.

С чего это папа лежит?

С головой у Гарриет случилось что-то странное, словно она собиралась оторваться и полететь, как воздушный шарик. У девочки перехватило дыхание. От карьерной пыли пересохло во рту. С коленями творилось что-то непонятное. По коже побежали мурашки. Она вспомнила случай, когда старый мистер Боумен лежал на дороге за «Руном» и повозка зеленщика объезжала его стороной.

Гарриет упала на колени.

Рука у папы холодная. Лицо повернуто в сторону от Гарриет. Щека была не такой холодной. Волосы растрепаны. Она сделала то, что делала иногда: причесала волосы отца пятерней, пригладила их. От прикосновения к волосам на руке осталось что-то влажное. Кожа и волосы отца пахли одинаково, но не так, как обычно. Девочка взяла отцовскую кепку, но та не хотела надеваться на папину голову, словно она ей разонравилась, стала незнакомой. Гарриет положила кепку на скамью, но кепка соскользнула.

Откуда-то издали доносилось испуганное нытье Остина. Оттолкнувшись от скамейки, чтобы удержаться на ногах, Гарриет поднялась, торопливо подбежала к брату и крепко прижала к себе.

— Что случилось? — спросил он тоненьким плачущим голоском.

— Просто... — начала она. — Пойдем...

— Нет!

Гарриет крепко взяла брата за плечи и развернула в сторону дома. Мальчик не хотел или не мог сдвинуться с места.

— Закрой глаза, Остин. Зажмурься хорошенько, и я проведу тебя через сказочную страну.

Он повиновался, позволив увлечь себя в мир грез. Гарриет вела его через бугры и впадины, рассказывая о стоявшем слева пряничном домике, украшенном леденцами. Нет, это не дождь. Волшебный фонтан выплескивает одуванчики и лопухи.

А себе она говорила, что влага на ее руке — малиновый щербет, а не кровь.

Но деревенские дети понимают, когда перед ними мертвое тело.

ПОНЕДЕЛЬНИК
«Нетопырь-лодж», Хедингли

Всё в свой черед — и время, и удача,
На смену злу — добро, и горе —
после счастья.

Роберт Саутвелл

Глава 1

Железнодорожный вагон накренился, я полетела вперед. Когда вагон опрокинулся, засверкали молнии. Ахнув, я попыталась за что-нибудь ухватиться и проснулась. Открыв глаза, я обнаружила, что лежу в постели: путешествие с вокзала Кингс-Кросс до Лидса завершилось несколько часов назад — и завершилось благополучно.

Разбудил же меня настойчивый, громкий стук в парадную дверь. Поскольку моя комната находится в задней части дома, обращенной к лесу, вызывавший меня из сна человек колотил дверным молотком так, словно хотел сообщить, что дом горит.

Часы на прикроватном столике показывали четыре часа утра. Соуки соорудила себе подушку из моего домашнего халата и не выразила восторга, когда я выдернула его: неслыханное обращение с кошкой в ее деликатном положении.

Внизу у лестницы я ударилась большим пальцем ноги о чемодан, который поставил там прошлым вечером водитель такси. Я включила свет.

Повернув в замке ключ и открыв дверь, я всматривалась во тьму, ожидая некоего посланника судьбы.

В тени крыльца стояла женщина в накидке с капюшоном.

— Миссис Шеклтон? — Она чуть задыхалась, как будто нервничала или спешила.

Какая ненормальная покинет среди ночи дом и побегит по улицам под проливным дождем?

— Да. Я миссис Шеклтон.

— Мне необходимо с вами поговорить.

Я помедлила, не открывая дверь пошире, и она добавила:

— У меня пропал муж.

Меня затошнило от усталости.

— Вам лучше обратиться в полицию. У них по ночам дежурят детективы.

Фырканьем, похожим то ли на смех, то ли на стон, незнакомка отмела мое предложение.

— В полицию? Я пыталась. От них никакого проку.

Похоже, моя гостья не имела представления, который сейчас час, и даже не извинилась за беспокойство. На улице завывал северный ветер, стреляя, как пулями, горизонтально летящими каплями дождя.

Прикинув, что человек — потенциальный преступник — не станет колотить в дверь так, чтобы разбудить половину Хедингли, я, повозившись, сняла дверную цепочку. Когда свет из прихожей упал на лицо незваной гостьи, она показалась мне очень молодой и бледной, как луна.

Не дожидаясь приглашения, женщина шагнула в дом, и на коврик с нее потекла дождевая вода.

Я захлопнула дверь.

— Дайте мне вашу накидку.

Женщина расстегнула крючок и сняла клетчатую накидку, с которой на натертый до блеска деревянный пол уже натекла лужа.

— Спасибо. — Ее губы были бледными, однако на щеках горели два неестественно ярких пятна. Возможно, она больна туберкулезом. Видно было, как на шее бьется жилка. — Я забыла зонтик в поезде. Я успела на поезд, который развозит молоко. От станции в Хедингли я бежала бегом.

Я повесила накидку на стойку лестничных перил и снова ушибла палец о чемодан.

— Проходите, пожалуйста, миссис...

— Армстронг. Мэри Джейн Армстронг.

Столовая служит мне и конторой, но в течение недели, с моего отъезда в Лондон, огонь здесь не разжигали. Я провела гостью на кухню.

— Сюда, пожалуйста. Огонь уже погас, но здесь будет теплее. — Она последовала за мной. Я подала ей полотенце. — Обсушитесь немного. — Женщина двигалась как существо, которое вышло из моря и вскоре вернется к Нептуну.

— Да нестрашно, что я промокла. — Она все же вытерла волосы, которые влажными волнистыми прядями повисли за ушами. Ее накидка с капюшоном не слишком-то защищала от потопы.

На вид гостье было лет тридцать пять или немногим больше, рост пять футов четыре дюйма, пухлая и миловидная, с чистой белой кожей и густыми каштаново-рыжими волосами, собранными на макушке и закрепленными черепачовыми гребнями и шпильками. Судя по всему, изначально прическа была аккуратной, но теперь волнистые пряди выбились из гребней. Часть волос рассыпалась по плечам, потому что выпали шпильки. Одежду женщины составляли юбка бутылочно-зеленого цвета, до середины икры, и белая блузка. На шее на короткой цепочке висел медальон. Туфли были так хорошо начищены, что вода просто стекала с кожи.

Я выдвинула для гостьи стул и, давая ей время прийти к себе, пошла в столовую.

Кто она и что привело ее сюда в такой час? Что-то в ней показалось очень знакомым. Она кого-то мне напоминала, и я не могла понять, кого же.

Я достала из буфета графин и пузатую бутылку бренди. В кухне я налила бренди в стакан.

— Вот. Выпейте это. Судя по всему, вам это не помешает, а потом вы сможете рассказать, что привело вас сюда.

Гостья обхватила стакан обеими руками и внимательно в него посмотрела, как будто янтарная жидкость превратилась в хрустальный шар, в котором ясно предстало будущее. Затем женщина посмотрела на меня глазами, такими же каштаново-рыжими, как и ее волосы. Взгляд у нее был очень пристальным, словно в моих глазах она видела то, чего не нашла в стакане бренди.

Откуда же я ее знаю?

Впечатление улетучилось, когда она, зажмурившись, понюхала бренди и одним глотком опрокинула его в себя. Закашлялась и стала давиться, говоря между приступами кашля:

— Ах ты, я-то подумала, что это имбирный эль. Что это? Так горло дерет.

— Бренди. Это бренди.

— Надо было предупредить. Я выпью еще, помедленнее.

Я налила ей в бокал на палец бренди из графина.

— Пейте маленькими глоточками. Осторожно. — Из Лондона я вернулась немного уставшей, но теперь усталость исчезла. Я ободряюще произнесла: — Расскажите-ка мне, что вас сюда привело.

Гостья так сильно сжала стакан, что я испугалась, как бы он не треснул.

— Как я сказала, у меня пропал муж. — Миссис Армстронг говорила монотонно и устало. — Я не знаю, жив он или мертв. О вас я подумала, потому что... ну, я слышала, что вы находите людей. — Она глотнула еще бренди, а затем потеряла к нему интерес и, поставив, оттолкнула стакан.

— Как зовут вашего мужа?

— Этан. Этан Армстронг.

Она сцепила руки, сложив их у самого живота и крутя большими пальцами, только так и проявляя возбуждение. И все же было в этом возбуждении что-то настолько осязаемое, что у меня засосало под ложечкой.

Убить
до заката